

ния мы находим в памятниках изобразительного искусства, начиная с XIV в.

Продолжает оставаться предметом дискуссии феномен типологической общности новгородских шлемовидных гуслей с инструментами народов Поволжья (марийские *кюсле*, чувашские *кёсле*, удмуртский *крезь*, татарские *гусля*). Полное отсутствие археологических материалов и памятников изобразительного искусства древнего и средневекового Поволжья, содержащих сведения о музыкальных инструментах, не позволяет сделать каких-либо документально обоснованных выводов по этой проблеме. С нашей точки зрения, при изучении вопросов генезиса музыкального инструментария ни в коем случае не следует смешивать два отнюдь не равнозначных момента. Первый — выявление национального типа (прототипа), второй — исследование исторического процесса создания и распространения определенного типа музыкального инструмента, появившегося в результате взаимодействия нескольких национальных музыкальных культур. Типологическая общность музыкального инструментария не может служить неопровержимым свидетельством факта заимствования. Гораздо правильнее говорить о результатах исторического процесса формообразования музыкального инструментария, проходившего в условиях взаимосвязей и взаимовлияний различных национальных музыкальных культур. Под влиянием этих факторов проходили, по-видимому, конструктивные изменения национальных инструментов, являвшихся прототипами созданного позже «межнационального» инструмента, органически вошедшего в музыкальный быт каждого из народов. С нашей точки зрения, именно таким образом и надлежит исследовать проблемы генезиса гуслей шлемовидного типа. Можно предположить, что в процессе взаимосвязей Новгорода с народами Поволжья, имевшими свои национальные прототипы музыкальных инструментов, был создан и получил повсеместное распространение у народов данного региона этот тип гуслей, сделавшихся типичным «межнациональным» музыкальным инструментом.

На основании изложенного выше правомерно сделать следующие выводы. Древний Новгород является одним из самых значительных центров традиции музицирования на гуслях. Наиболее древняя традиция — исполнение на крыловидных гуслях с вырезом около окрылка (открылка), по-видимому, возникла еще до прихода словен и кривичей на Новгородскую землю. В процессе взаимосвязей Новгорода с народами финно-угорской языковой группы были созданы и получили самое широкое распространение крыловидные (ладьевидные) и шлемовидные (дугообразные, полуовальные) гусли, сохранившиеся в народной музыкальной практике до наших дней.

А. П. Рунич

НАСКАЛЬНЫЕ РИСУНКИ И ТАМГИ В ДЖИНАЛСКОМ ГРОТЕ У КИСЛОВОДСКА

Во время экскурсии по окрестностям г. Кисловодска рабочий Г. Н. Федоров обнаружил на стене одного из гротов множество рисунков, среди которых есть фигурки человека и животных и различные «таинственные знаки»¹.

Грот расположен на склоне Джиналского хребта, в 9—10 км от Кисловодска. Образовался он на месте выхода на поверхность плотного

¹ См. Рунич А. П. Джиналское святилище. — Кавказская здравница, 22.IX.1979 г. Надо сказать, что в районе г. Кисловодска обнаружено немало исторических памятников. Они, в частности, обозначены на выполненной автором данной статьи археологической карте (находится в Кисловодском краеведческом музее, инв. № 1892).

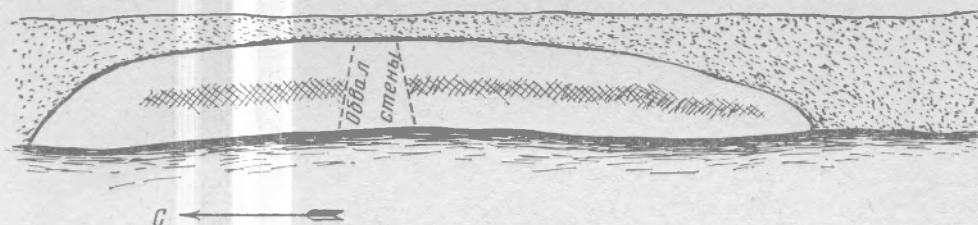

Рис. 1. Джи́нальский грот (разрез)

глинистого песчаника. Ширина грота 42 м, наибольшие глубина и высота его — в центральной части (соответственно 8 и около 5 м), входом он обращен на запад. Пол грота на 30—70 см покрыт перегнившим навозом, песком, золой, глыбами горной породы, обрушившейся со стен и потолка.

Вблизи грота в отвесной скале на высоте около 1 м от ее нынешнего основания вырублено 10 небольших петель (восемь вертикальных и две горизонтальные), напоминающих дверные ручки. Четыре петли находятся севернее грота на расстоянии от 24 до 147 м, шесть — южнее (одна всего в 0,5 м от него). Наличие ручек-петель вблизи грота свидетельствует о несомненной их связи с ним. Очевидно, когда-то они служили конювязью, к ним привязывали верховых лошадей люди, посещавшие грот. Такое предположение подкрепляется, на наш взгляд, и отсутствием на прилегающей к гроту территории следов поселений и укреплений. Склоны Джи́нальского хребта в районе расположения грота довольно пологие, значительное время года они покрыты травой и издавна используются для выпаса скота.

Петроглифы заполняют почти всю среднюю часть одной стены грота на высоте примерно 1,3—1,5 м от нынешнего уровня пола. Среди рисунков есть фигурки человека (рис. 2, 16), собаки (рис. 2, 5), туров (рис. 2, 8, 11), оленя (рис. 2, 25). Кроме того, на стене вырублено 49 тамговых знаков, но, судя по фрагментам изображений, сохранившихся на обломках стены, их было гораздо больше. Рисунки обозначены контуром. После тщательного изучения рисунков мы пришли к выводу, что все они вырублены железным орудием типа долота или стамески с лезвием шириной 1,3—1,5 см. Последовательными ударами по этому орудю справа и слева выбивали одно за другим треугольные углубления, образуя линию треугольных бороздок — контур рисунка. Ширина бороздок около 1 см, сохранившаяся глубина 0,4—0,6 см².

Особого внимания, на наш взгляд, заслуживает то обстоятельство, что многие петроглифы Джи́нальского грота находят аналогии и на Кавказе, и в других регионах. Фигурка человека (рис. 2, 16) сходна с изображением на дольменообразном склепе X—XI вв. у р. Кривой в Карачаево-Черкесии³. Тамговые знаки 7 и 34 напоминают знаки, вырезанные у скального захоронения Гнаказы⁴, а 14 и 21 (рис. 2) — изображения у некрополя Крайда⁵. По мнению Т. М. Минаевой, эти тамгообразные знаки не связаны с «пещерками» (скальными камерами), а «нанесены на скалу позднее»⁶. Но для чего было поздним обитателям вырезать свои родовые тамги именно у древних могил — «домиков мертвых»? Нам представляется несомненной связь тамг со скальными захоронениями.

² Подсчет рисунков и тщательная протирка их выполнены М. А. Гуськовым, которому я выражаю искреннюю признательность.

³ См. Кузнецов В. А. Алания в X—XIII вв. Орджоникидзе: Ир, 1971, рис. 20.

⁴ Минаева Т. М. К истории алан Верхнего Прикубанья по археологическим данным. Ставрополь, 1971, рис. 17.

⁵ Там же, рис. 22.

⁶ Там же, с. 84.

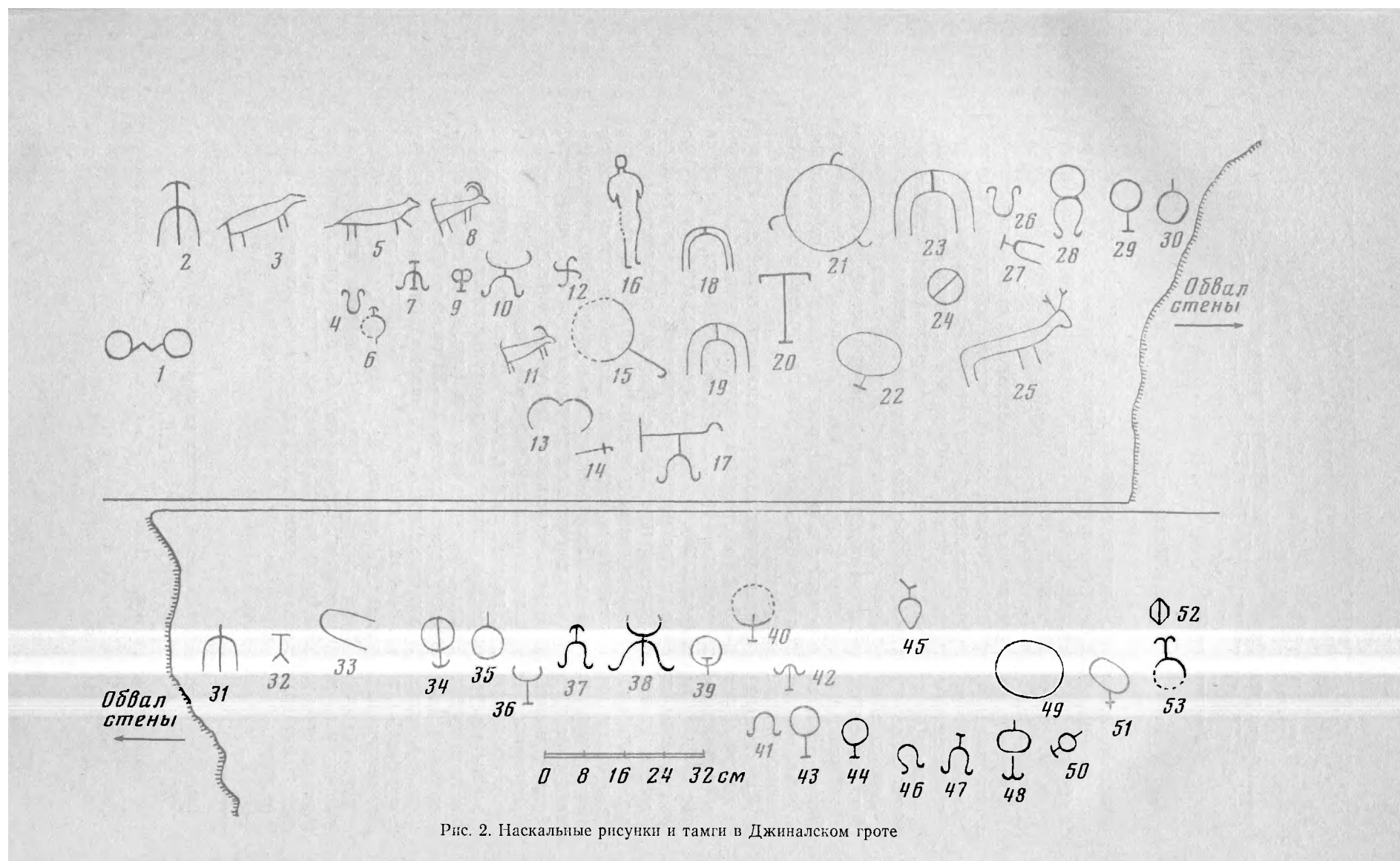

Рис. 2. Наскальные рисунки и тамги в Джиалском гроте

Большинство джиналских тамговых знаков обнаруживает сходство с кавказскими тамгами, опубликованными Л. И. Лавровым⁷, но 13 знаков (рис. 2, 1, 2, 17, 21, 22, 24, 32, 34, 39, 40, 42, 47, 52) не находят аналогии с зафиксированными им тамгами. Кроме того, в Джиналском гроте есть тамги явно некавказского типа: они очень напоминают изображения, обнаруженные в Турции (рис. 2, 20), в Крыму (рис. 2, 30), в Средней Азии (рис. 2, 46), Иране⁸ (рис. 2, 36). Одна джиналская тамга (рис. 2, 12) близка сарматским тамгам⁹. Наличие в Джиналском гроте тамг некавказского типа отражает, видимо, культурно-исторические контакты народов Северного Кавказа и соседних регионов, имевшие место в период раннего средневековья.

Исследователи высказали мнение, что некоторые кавказские тамги относятся к периоду раннего средневековья¹⁰. Однако клейма-тамги известны значительно раньше. Они встречаются, в частности, на посуде VIII—VII вв. до н. э. Так, на чашке из Березовского могильника № 1 около Кисловодска имеются знаки¹¹, часть которых напоминает тамги Джиналского грота (рис. 2, 18, 19, 23). Клейма-тамги, аналогичные знаку 12 (рис. 2) из грота, имеются на сосудах VI—VII вв.¹² и на керамической посуде X—XII вв.¹³

Интересные сведения о тамгах есть в работах В. П. Пожидаева. Он считал, что тамги-тавра, которыми метили скот, являлись своеобразными фамильными гербами и в прежнее время принадлежали только привилегированным родам и фамилиям¹⁴. Он же сообщал, что скала Куни-тыга, находящаяся выше кабардинского сел. Сармакова, у дороги, по которой прогоняли скот, «от верху до низу на протяжении нескольких десятков аршин исписана и изрезана целыми сотнями фамильных знаков»¹⁵. В другой своей работе В. П. Пожидаев писал, что кабардинцы метили своими тамгами не только принадлежащих им животных, но и вырезали знаки собственности на могильных памятниках, дверях кунацких, оружии и на придорожных скалах¹⁶. К сожалению, он не объясняет, с какой целью тамги вырезались на скалах у скотопргонных путей. Правда, В. П. Пожидаев отмечает любопытный обычай, связанный с тамгами. У горцев Кавказа, пишет он, «всякий гость, посетив где-либо в дальнем ауле своего кунака, уезжая, почитал своей обязанностью и актом вежливости (вместо визитной карточки) вырезать на дверях кунацкой на память о себе родовое тамга»¹⁷. То же самое имело место в Балкарии, где на дверях и столбах старого дома вырезаны тамги различных людей в память о посещении ими этого дома¹⁸.

Возможно, именно обычаем нанесения тамг на придорожные скалы и двери кунацких объясняется и появление тамговых знаков на стене Джиналского грота. Видимо, их можно рассматривать как «метки», личные тамги тех людей, которые посещали грот и как-то использовали его. Предварительный осмотр грота позволяет предположить, что когда-то грот был культовым местом или святилищем. Имеющиеся на стене

⁷ См. Лавров Л. И. Историко-этнографические очерки Кавказа. Л.: Наука, 1978, табл. I, с. 109—123.

⁸ Там же, табл. IVa, Va, Vb, VIa.

⁹ Там же, табл. II.

¹⁰ Азаматова М. К. Адыгский народный орнамент. Майкоп: Адыг. книжн. изд-во, 1960, с. 7.

¹¹ Виноградов В. Б., Рунич А. П., Михайлов Н. Н. Новое о кобанской культуре Центрального Предкавказья.— Археолого-этнографический сборник. Грозный, 1976, т. III, рис. 3, 1.

¹² Рунич А. П. Аланский могильник в «Мокрой балке» у города Кисловодска.— Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии. Орджоникидзе, 1975, т. III, рис. 26—31.

¹³ Рунич А. П. Катакомбы Рим-горы.— Сов. археология, 1970, № 2, рис. 6, 5.

¹⁴ Пожидаев В. П. Хозяйственный быт Кабарды. Воронеж, 1925, с. 36, 37.

¹⁵ Там же, с. 21, 22.

¹⁶ Пожидаев В. П. Кабардино-черкесская тамга и кабардинский орнамент.— Уч. зап. Кабардинск. НИИ, 1948, т. 4, с. 234.

¹⁷ Пожидаев В. П. Хозяйственный быт Кабарды, с. 55, рис. 5.

¹⁸ Медведева О. П. Новые этнографические коллекции музея по Балкарии.— Краеведческие записки Кабардино-Балкарского музея. Нальчик, 1961, в. 1, с. 79—81.

изображения туров и оленей свидетельствуют, вероятно, о бытовании среди местного населения культа охоты¹⁹.

В настоящее время, как и в недавнем прошлом, Джиналский грот используется для укрытия пастухов и скота от ненастной погоды. Об этом свидетельствуют слои перегнившего навоза и золы на полу, закопченный потолок, а также современные надписи на его стенах, вырезанные ножами и нанесенные краской, которые сильно повредили древние изображения.

¹⁹ О существовании у народов Кавказа в раннем средневековье этого культа свидетельствуют сцены охоты в Хумаринской пещере, см.: *Афанасьев Г. Е., Рунин А. П.* Рисунки в пещере близ Хумары.— *Сов. этнография*, 1975, № 2, с. 106, 107; *Дирр А. М.* Божества охоты и охотничий язык и обычаи у кавказцев.— *Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа*. Тифлис, 1915, в. 44, с. 1—16.

В. П. Алексеев

НОВАЯ ПАЛЕОАНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ НАХОДКА ЭНЕОЛИТИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ ПОД КРАСНОЯРСКОМ

Энеолитический период в окрестностях Красноярска изучен явно недостаточно как в археологическом, так и в палеоантропологическом отношениях. Поэтому любое увеличение соответствующих данных вызывает большой интерес. В данном сообщении речь пойдет о черепе энеолитического погребения, раскопанного А. Н. Липским в 1966 г.

Погребение расположено у Красноярска, южнее дач Городского от села народного образования, в гроте, недалеко от дачи искусствоведа Н. В. Лисовского. Им оно и было открыто. При раскопках обнаружилось трупоположение на спине, головой на юг. Скелет лежал приблизительно на глубине 15—20 см от земной поверхности. Из предметов были найдены ожерелье из створок раковин речной жемчужницы и подвеска из зуба благородного оленя. Они и служат основанием для датировки.

Скелет принадлежал девочке 12—13 лет. Второй моляр полностью прорезался, но на жевательной поверхности идеально виден весь рисунок узора. То, что он не успел стереться, свидетельствует о вероятности смерти в 12, а не в 13 лет. Сохранность черепа, к сожалению, далеко не идеальная: разрушены затылочная и основная кости; продавлена лобная кость, обломаны кончики носовых костей. Все же удалось возможным взять основные размеры черепа и определить расовые особенности индивидуума с теми, разумеется, оговорками, какие вообще необходимы при расовой характеристике одиночных объектов.

Продольный диаметр измерить не удалось. Поперечный диаметр черепной коробки равен 152 мм. Правда, она посмертно деформирована и в действительности поперечник был меньше, но ненамного. Черепный указатель обычно уменьшается с возрастом — детские и юношеские черепа, как правило, более круглоголовые, чем взрослые. Разница в величине черепного указателя рассматриваемого черепа и взрослых составляет около 2,5 единиц¹. Все равно при такой величине поперечного диаметра можно полагать, что исследуемый индивидуум после окончания роста был бы брахикефальным. Этим подтверждается фа

¹ *Довгялло Н. Д.* О росте черепа человека.— *Архив анатомии, гистологии и эмбриологии*, 1937, т. XVII, № 1; *Сысак Н. С.* Материалы для возрастной морфологии черепа человека.— В кн.: *Антропологический сборник*, II (Тр. Ин-та этнографии АН СССР, т. I). М.: Изд-во АН СССР, 1960.